

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК МОСКОВСКИХ КАТОЛИКОВ КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ: ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. С. Андреева, А. Н. Андреев

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье предпринимается попытка воссоздания социально-психологического портрета московских католиков на исходе XVII в. с использованием метода просопографии. Исследуются биографии тех лиц, которые входили в церковный совет или инициативное ядро общины в 1684, 1689 и 1698 гг. Устанавливаются социальные признаки — такие, как социальное происхождение, национальность, род деятельности, наличие образования, семейное положение, участие в таинствах и богослужениях, активность в церковных делах и др. Сделан вывод о том, что типичный московский католик представлял собой западноевропейца из хорошей дворянской семьи, профессионала в своем деле, широко образованного, сведущего в самых разных областях социальной жизни, человека преданного своей религии, осознающего потребность в богослужении и таинствах и потому уделяющего много внимания делам внутри прихода. Своими социальными качествами такие люди хорошо подходили на роль главных проводников и ускорителей российской модернизации.

Ключевые слова: римские католики, католические церкви и общины, Москва XVII в., социальный облик, просопография.

Воссоздание коллективного социально-психологического портрета московских католиков, воспринимавшихся нашими соотечественниками в качестве главных врагов православия, — важнейшая задача, которая возникает в ходе решения проблемы участия иноземцев в жизни русского общества конца XVII столетия. Решению этой задачи служит просопографический метод (метод коллективной биографии), давно и прочно вошедший в инструментарий современных российских историков. Метод состоит «в определении предназначенных для исследования круга лиц, а затем постановке ряда однотипных вопросов» об их социальном положении, происхождении, образовании и иных социальных признаках [5, с. 142]. Полученные ответы сопоставляются и объединяются для установления значимых переменных, на основе которых и создается портрет. При этом репрезентативность исследования определяется заданными критериями отбора индивидов, чьи биографии подлежат изучению. В нашем случае критерием предлагаем считать вхождение католиков в церковный совет или инициативное ядро общины, выделяемое на основании поданных от имени общины прошений.

Римско-католическая община в Москве сложилась к 1684 г. При этом церковный совет образовался в 1698 г., а до него существовал только один орган приходского самоуправления — общее собрание прихожан, в котором, тем не менее, легко выделить инициативную группу (ядро общины). Верующими в составе этого ядра (условно назовем их «старостами») можно приравнять к членам позднейшего церковного совета, поскольку, судя по челобитным,

они выполняли те же функции — осуществляли административное управление приходом и ходатайствовали за свою общину перед правительством. Реконструкция коллективного портрета прихожан в относительно широких хронологических рамках (с 1684 г. по 1701 г.), при постоянно изменяющемся составе прихода, подразумевает отбор лиц, бывших «старостами» в разные временные срезы. Источники позволяют сделать три таких среза: состав инициативного ядра верующих раскрывают прошения католиков на высочайшее имя от 3 марта 1684 г. [11, с. IV; 23, л. 1] и от 18 декабря 1689 г. [24, л. 1]; кроме того, имеется список членов церковного совета в 1698 г., составленный секретарем австрийского посольства И. Г. Корбом [15, с. 145, 237].

В круг предназначенных для исследования лиц вошли все упоминаемые в этих документах челобитчики и старосты — всего 18 человек (имена многих из них значатся в обеих челобитных, а некоторые фигурируют и в списке старост, что говорит об относительной стабильности общинного ядра). К изучению были выбраны: Питер Бальдус (Петр Балтес); Патрик Гордон оф Охлухрис (Петр Иванович Гордон, Patrick Gordon of Auchleuchries, 1635—1699); Джеймс Гордон (Яков Петрович Гордон, Август Яков Гордон, 1668—1722); Александер Гордон оф Охинтул (Александр Александрович Гордон, Аухинтоул, Ачентон, Ахентовель, Ахинтон, Alexander Gordon of Auchintoul, 1669—1751); Казимир фон Граге (Крага, Краген, Casimir von Kraghe, уб. в 1700 г.); граф Дэвид Уильям Грэм (фон Граам, Грагм, Грахам, David William Graham, ок. 1639—1693); Франческо Гуаскони (Франциск Гваскони,

Франц Карпов сын Гваскони, Francesco Guasconi, 1640 — ок. 1708); Джоаккино Гуаскони (Иоахим Гваскони, Gioacchino Guasconi); Грегор Карбонари де Бизенегг (Григорий Мартынович Карбонарий, Gregorius Carbonarius de Bissenegy, 1651—1717); Логин ле Дитт; Александер Ливингстон (Ливингстон, Ливингстон, Alexander Livingston, уб. в 1696 г.); Джорджо Лима (Юрий Степанович Лима, уб. в 1702 г.); Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезий, Paul Menzies, Meneses, 1637—1694); Бартоломейс (Бартоломью) Ронаэр (ум. в 1693 г.); Херман ван Тройен (Иеремия ван Тройен, Еремей Петров сын ван Тройен, Herman van Troyen); Гавриил Турнер (Габриель Турнье, Turnier); Антон Шмалленберг; Рудольф (Родион) Штрасбург (Страсбург, ум. в 1692 г.).

Исследование отобранных персоналий производилось по девяти признакам, характеризующим социальный и религиозный облик католиков: 1) социальное происхождение и социальное положение в России; 2) национальность; 3) род деятельности или профессия; 4) наличие общего и специального образования, опыт профессиональной деятельности; 5) семейное положение и наличие детей; 6) нравственный облик; 7) полученное религиозное образование или воспитание; 8) участие в таинствах и богослужениях; 9) активность в церковных делах.

Многие лица из инициативного ядра московской католической общины (не менее 12 человек из 18) принадлежали к знатым дворянским или даже аристократическим фамилиям Европы, хотя и не были представителями их главных, титулованных ветвей. Патрик Гордон оф Охлукхрис, его сын Джеймс (Яков) и Александер Гордон оф Охинтул представляли собой древний шотландский род Гордонов¹. Дэвид Уильям Грэм оф Морфи происходил из младшей (баронской) линии лордов Грэм и являлся ближайшим родственником многих графов и маркизов Шотландии, хотя есть основания считать, что его собственный графский титул был самозванным (по законам своей страны, будучи младшим наследником, он не имел права именоваться даже «бароном Морфивским») [17, с. 60]. Благородным происхождением мог похвастаться Александер Ливингстон — его предки в XV столетии, во время регентства графа Дугласа при малолетнем Якове II, управляли Шотландией. Пол Мензис сам состоял в тесном родстве с королевским домом Стюартов; его отец происходил из баронов Питфодельс (поэтому в папских документах москвич-католик иногда фигурирует как барон ди Питфодельс), а мать была урожденной графиней Сазерленд [33, с. 8—9, 181]. Оба брата Гуаскони принадлежали к аристократическому флорентийскому семейству, издавна занимавшемуся коммерцией [14, с. 291]. Доктор Г. Карбонари в официальных документах именуется «шляхетным» человеком [21, л. 2]. Родственник второй жены Патрика Гордона Б. Ронаэр и зять прославленного генерала-шотландца Р. Штрасбург определенно имели дворянское достоинство, по-

¹ Отец Александра Гордона, тоже Александер, был сенатором при Якове II, а мать, Изабель Грей оф Брэйк, приходилась племянницей лорду Грью [36, с. III—IV].

скольку П. Гордон трепетно относился к сохранению дворянской чистоты рода [7, с. 125]. Частица «фон» при фамилиях Граге и Турнер, в свою очередь, свидетельствует об их принадлежности к благородному сословию, хотя каких-то определенных сведений о социальном происхождении Казимира Граге и Гавриила Турнера найти не удалось.

Между тем родовитость и высокий общественный статус, каким обладали многие католики в среде московских иноземцев, не гарантировали им пietet со стороны российских властей. Правители и вельможи, а в ряде случаев и приказные служители, могли откровенно третировать даже самых знатных «немцев». Например, в январе 1699 г. Ф. А. Головин и кн. Ф. Ю. Ромодановский проявили крайнее неуважение к царскому врачу Г. Карбонари, который незадолго до того вызвал раздражение царя Петра. Поводом к опале послужило нежелание Г. Карбонари немедленно исполнить царское приказание и явиться к одному больному. Приказание было передано рядовым аптекарем в тот момент, когда лейб-медик находился на званом обеде у императорского посла И. Х. Гваридента, причем аптекарь вел себя настолько невежливо и так грубо нарушал правила этикета, что возмутился не только Г. Карбонари, но и господин посол [15, с. 115—117]. В ходе этой истории Г. Карбонари пытался отстоять свою честь в европейском ее понимании, но в итоге потерял расположение царя — спустя почти год иезуиты писали, что врач вряд ли сумеет снова стяжать милость его величества [18, с. 72]. Патрик Гордон в 1691 г. в письме советовал своему приятелю Д. У. Грэму воздерживаться от конфликта с Б. П. Шереметевым, резонно замечая: «уверю Вас, невозможно кому-либо из нас тягаться с кем-либо из них. Итак, лучше снести кое-какие вещи, что могут показаться или быть резкими, чем негодовать на оны» [10, с. 103].

По национальному признаку ядро общины на 1/3 состояло из шотландцев — в него входили «шотландские немцы» П. Гордон, Дж. Гордон, А. Гордон, Д. У. Грэм, А. Ливингстон и П. Мензис. В равных долях (по три человека) были представлены голландцы (П. Бальдус, Б. Ронаэр, Х. ван Тройен), немцы (К. фон Граге, А. Шмалленберг, Р. Штрасбург) и итальянцы (Ф. Гуаскони, Дж. Гуаскони, Дж. Лима). Л. Ле Дитт и Г. Турнер, возможно, были французами, а Г. Карбонари, австрийский подданный, отмечен в документах как выходец из Словении, но грек по национальности.

Социальнопрофессиональный состав основной части общины был разнородным, между тем очевидно значительное преобладание в ней военнотружущих (12 из 18 человек). Офицерами царской армии являлись: П. Гордон (майор с 1661 г., генерал-майор с 1678 г., полный генерал с 1687 г.²); Дж. Гордон (подполковник с 1690 г., полковник с 1693 г.); А. Гордон (майор с 1696 г., полковник с 1697 г., генерал-майор с 1709 г.); К. Граге (инженер, артиллерийский полковник с 1696 г. [26, л. 690]);

² Здесь и далее в перечне иноземных офицеров указаны годы их вступления в русскую службу, а также годами отмечено их продвижение по служебной лестнице в России.

Д. У. Грэм (генерал-майор с 1682 г. [33, с. 587—588]); А. Ливингстон (капитан солдатского строя с 1666 г., полковник с 20 октября 1677 г. [8, с. 51]); Дж. Лима (подполковник с 1678 г., первый русский вице-адмирал в 1696—1698 гг., полковник с 1699 г. [4, с. 214—215; 26, л. 692; 35, с. 563]); П. Мензис (капитан пехоты с 1661 г., майор с 1662 г., рейтарский полковник с 1674 г., генерал-майор с 1688 г. [33, с. 10—12, 48, 70]); полковник Б. Ронаэр; Г. Турнер (полковник в 1684—1693 гг. [9, с. 171; 11, с. IV; 23, л. 1; 30, с. 547]); А. Шмалленберг (полковник в 1684—1693 гг. [10, с. 145, 185; 11, с. IV]); Р. Штрасбург (подполковник в 1682—1689 гг., полковник с 1689 г. [33, с. 604]). Трое из 18 человек были купцами, не одно десятилетие торговавшими с «москвитами» (Ф. и Дж. Гуаскони обосновались в России с 1660-х годов [34, с. 58—59], Х. ван Тройен — с 1640-х годов [12, с. 80; 19, л. 5]). Меньше всего в составе выделенной группы католиков было лиц гражданских специальностей: среди церковных распорядителей и «старост» обнаруживаем только двух влиятельных и богатых ремесленников — «стекольщика» П. Бальдуса, который входил в управленческий аппарат измайловского стекольного завода, и ювелира Л. Ле Дитта. Кроме них к гражданским специалистам можно отнести врача Г. Карбонари, прибывшего к царскому двору в 1689 г. [21, л. 1].

Ядро католической общины на 100 % состояло из грамотных людей — все отмеченные лица не только могли уверенно поставить свою подпись, но и успешно справлялись с подготовкой служебных отчетов, сочиняли реляции (военнослужащие), заключали договоры (купцы), становились авторами челобитных, писали пространные письма друг другу и корреспондентам за границей. Об этом свидетельствуют многочисленные источники — например, дневник П. Гордона, состоявшего в переписке с большинством лиц, чьи биографии подвергнуты анализу, а также документы Посольского и Иноземского приказов. Среди московских «латинян» было немало высокообразованных людей, причем не только по российским, но и по западноевропейским меркам. П. Гордон получил начальное образование в приходских школах Круден и Эллон (Истер Охлуhrис, Шотландия), некоторое время пользовался услугами домашнего учителя, а затем продолжил учебу в высшем заведении — иезуитской коллегии в Браунсберге (Восточная Пруссия) [6, с. 6—9]. Правда, в коллегии П. Гордон не прошел полного курса наук, сбежав от иезуитов, чтобы быстрее начать военную карьеру, однако в целом будущий российский генерал потратил 13 лет на получение знаний в различных школах. В дальнейшем путем самообразования П. Гордон достиг немалых высот в разных областях знания, став одним из самых образованных людей в тогдашней России [27, с. 235]. Разносторонне развитым и очень образованным человеком был П. Мензис, учившийся в шотландской (эмигрантской) иезуитской коллегии в Дуэ (Фландрия) и удивлявший педагогов своими успехами [33, с. 9, 47, 559]. Гордон-младший (Джеймс) учился в России и Шотландии, а в 1685—1687 гг. занимался в иезуитских коллегиях Данцига и того же Дуэ; помимо родного английского, он знал русский, латин-

ский, французский, немецкий и польский языки [9, с. 81, 157, 230]. А. Гордон до четырнадцатилетнего возраста учился в сельской школе в Охинтуле, затем в течение четырех лет продолжал обучение в Париже [36, с. IV—V]. О высоком образовательном уровне свидетельствует написанная им «История Петра Великого» — многогранное и глубокое историко-публицистическое сочинение.

В XVII столетии ни в странах Западной Европы, ни тем более в России, еще не существовало сложившейся системы профессионального военного или инженерного образования. Поэтому среди офицеров и ремесленников-технологов мы не находим людей с дипломами «по специальности» — отсутствие документов о профессиональном обучении, как правило, тогда возмещалось богатым практическим опытом. Так, П. Гордон ко времени вступления в русскую службу уже обладал обширными познаниями и практическими навыками в сфере военного и инженерного дела, особенно в области фортификации, не уставая и в дальнейшем совершенствоваться в избранной профессии [1, с. 162—163; 28, с. 443]. Немалый опыт имел А. Гордон оф Охинтул, до приезда в Россию пять лет прослуживший в войсках английского короля Якова II (прапорщиком, затем поручиком), а затем столько же — в армии Людовика XIV, пожаловавшего его капитаном своей пехоты [13, с. 239; 22, л. 3]. Впечатляющим был послужной список «графа фон Граама», который в челобитной царю Федору Алексеевичу заявлял: «Служил я, иноземец, двадцать два года в разных государствах — и цесарскому величеству римскому в Венгерской земле против турок, и королю гиспанскому против короля французского, и Яну Казимиру королю польскому против бунтовщиков (...) Да я ж служил курфисту Бавиерскому (Баварскому — *ред.*) и везде в службах полки чинил и города брал без малой утери людей...» [33, с. 427]. Впрочем, не все католики могли похвастаться большим опытом профессиональной деятельности до поступления на службу к «москвитам»: Дж. Гордон храбро, но недолго (в 1688—1689 гг.), сражался за английского короля Якова II — сначала в чине прапорщика, а затем капитана [30, с. 489]; П. Мензис прослужил всего лишь год с небольшим в войске польского короля Яна Казимира, хотя и успел дослужиться до майора [33, с. 10]. Генуэзец Дж. Лима (по другим источникам — венецианец), назначенный в 1696 г. российским вице-адмиралом, по-видимому, мало смыслил в морском деле, почему и был вскоре заменен более опытным К. Крюсом [3, с. 627; 4, с. 215]. При этом Дж. Лима являлся опытным минером («подкопным мастером») — представителем редкой в России военной профессии. Вероятно, единственным дипломированным специалистом в церковном совете был врач Г. Карбонари — доктор философии и медицины, специализировавшийся на детских болезнях, а также болезнях «главы», «почечных» и др., предъявивший «диплом на врачество» от имени князя Лодовико Сфорца, а также свидетельства о докторской степени, подписанные известными в папской области учеными — доктором богословия иезуитом Григорием Путтнером и доктором медицины Юстинианом Комнином [20, л. 11, 46].

Члены исследуемого коллектива в подавляющем большинстве (12 из 18 человек) были женаты и имели детей, причем у десяти из них семьи находились в Москве или иных русских городах, где католикам доводилось служить. Р. Штрасбург с 1682 г. был женат на дочери П. Гордона Кэтрин Элизабет, постоянно жившей в Москве [29, с. 280]. 4 января 1692 г. от полученных при устройстве фейерверка ожогов Р. Штрасбург скончался, и после нескольких лет вдовства Кэтрин Элизабет вышла замуж за А. Гордона оф Охинтул (15 февраля 1698 г.) [10, с. 122]. Дети от этого брака умерли в раннем возрасте [30, с. 579]. Супруга Ф. Гуаскони Людовина состояла в духовном родстве с П. Гордоном: в 1688 г. она стала крестной матерью для его дочери Джоанны, а в 1693 г. — для сына Джорджа Хилариуса [9, с. 170; 10, с. 223]. В 1698 г. Людовина Гуаскони и ее дочь упоминаются среди участниц царского пира [15, с. 99]. Сведения о супруге П. Бальдуса обнаруживаем в дневнике П. Гордона — она скончалась в Москве 29 июня 1692 г. (по всей видимости, в родах) после отъезда мужа в Голландию по делам стекольного завода («Жена П. Бальдуса умерла, а сын окрещен» [10, с. 139]). Л. Ле Дитт женился на московской иноземке-вдове — П. Гордон упоминает о его сыне и пасынках (сыновьях «госпожи Ле Дитт») [10, с. 138, 224, 243]. А. Ливингстон был женат дважды, и обе его супруги проживали в Немецкой слободе. Первая из них была восприемницей сына П. Гордона Питера, 9 мая 1692 г. она скончалась [10, с. 79, 135—136]. В ноябре 1692 г. А. Ливингстон вновь женился [10, с. 147, 149]. Источники сохранили имя только одной его супруги (первой или второй — неизвестно) — Элизабет Арендсон [9, с. 178; 10, с. 131, 228; 30, с. 511]; в обоих браках рождались дети. П. Мензис тоже дважды вступал в брак: осенью 1662 г. он венчался с иностранкой-католичкой («*son Dama Moscovita*») из Немецкой слободы, имя которой нам неизвестно [33, с. 12, 175]. «*Dama Moscovita*» скончалась примерно в 1674 г., оставив мужу сына Томаса [33, с. 656]. 11 февраля 1677 г. П. Мензис женился на Маргарите (Марии) Марселис (урожденной Беккер фон Дельден), вдове тульского заводчика Питера Марселиса [8, с. 7], которая родила ему как минимум четверых детей: Магнуса (Максима), Джона (Ивана), Эндрю (Андрея) и дочь Кэтрин (Екатерину) [9, с. 164, 166—170; 30, с. 562]. Известно, что в браке состоял Дж. Лима, женившийся на Элизабет Англер, дочери иноземного полковника (один из его сыновей, Джордж, умер в 1695 г. [10, с. 432; 15, с. 237]). Б. Ронаэр был женат, поскольку П. Гордон выступал в роли крестного его детей [9, с. 134].

Семейными узами были связаны Д. У. Грэм и Г. Карбонари, однако, в отличие от других католиков, они предпочли оставить своих жен за границей. «Граф фон Граам» женился еще в 1676 г., в бытность на службе у баварского курфюрста. Его супруга Мария Терезия фон Лаэнхаген (Лазенгажен) была дочерью синдика города Аугсбурга и принесла ему немалое состояние. Быстро промотав деньги жены, Грэм уже в 1678 г. бросил ее с двумя детьми и отправился за границу [33, с. 578]. Мария Терезия, проживавшая в Вене, требовала регулярно при-

сылать ей деньги, но «шотландский граф» не был намерен содержать оставленную семью. Разразился большой скандал, который приобрел международный характер: за «графиню фон Граам» вступилось имперское правительство, и московские власти были вынуждены повелевать служилому «шоттскому немцу» приложить «старание восстановить семейную жизнь» [32, с. 85]. Этот опыт «международного взыскания алиментов» [16, с. 160—163] не имел последствий: Грэм согласился на выезд жены и детей в Россию, но до самой своей смерти (он скончался 12 мая 1693 г.) так и не пожелал предоставить необходимые на переезд средства, отговариваясь отсутствием денег.

В схожем положении оказалась и супруга Г. Карбонари, которая тоже пребывала в Вене. Мадам Карбонари энергично выражала свое недовольство поведением мужа: она укоряла его «в неверности к ней, в крайне непечатных выражениях говорила ему об обольщенных им женщинах и требовала от него присылки денег, угрожая в противном случае осрамить его пред государями» [32, с. 84—85]. Опасаясь публичного скандала, доктор призвал супругу в Москву и урегулировал семейный конфликт. В 1698 г. «дохтурица» уже была в Москве [15, с. 55]. Как раз в это время после очередной задержки жалованья доктор в шутку даже предлагал царю Петру взять «мадам Карбонари» в залог или купить, чем немало развеселил монарха [15, с. 100].

Сведений о семейном положении К. Граге, Дж. Гуаскони, Х. ван Тройена, Г. Турнера и А. Шмалленберга в нашем распоряжении нет. Из перечня католиков, чьи биографии взяты для исследования, документально подтвержден статус холостяка только у одного — Джеймса Гордона, сына Патрика. В начале 1690-х годов Джеймс предпринимал попытки найти себе спутницу жизни, но из-за отсутствия подходящей партии и, надо полагать, по причине природной склонности к безбрачному состоянию скоро вовсе оставил идею женитьбы [10, с. 111—112, 195—196]. В ходе поездки на Мальту в 1706 г. он стал кавалером Ордена св. Иоанна Иерусалимского и официально дал обет безбрачия, который сохранял до конца своих дней [30, с. 489].

Непростые внутрисемейные отношения у московских католиков актуализируют вопрос об их нравственных характеристиках — вопрос немаловажный в свете поставленных религиозно-антропологических задач, но вряд ли разрешимый. Подоплека и перипетии семейных конфликтов у Д. У. Грэма и Г. Карбонари в свое время позволили Д. В. Цветаеву утверждать факт нравственного нездоровья общины в целом. Проанализировав обстоятельства частной жизни только двух человек (генерал-майора и лейб-медика), историк заметил: «Это еще более осветило внутреннюю жизнь близкого к выгнанным иезуитам московского кружка» [32, с. 85]. Тем не менее вряд ли можно согласиться с выводом о том, что нецеломудренное и безответственное по отношению к женам и домочадцам поведение являлось типической чертой католического микро-социума. Можно утверждать, что в Москве существовало немало крепких

католических семейств со здоровым психологическим климатом — к ним в первую очередь нужно отнести семейства П. Гордона и П. Мензиса. Генерал П. Гордон славился своей приверженностью семейным ценностям, чтил и защищал институт брака как богоустановленный [2, с. 9—10]. Его друг Мензис, судя по гордоновским запискам, имел схожее мировоззрение, был хорошим семьянином, к тому же очень честным и скромным человеком (поэтому и «не составил себе состояния» [33, с. 68]). На основании дневника П. Гордона можно реконструировать отношения в семье Р. Штрасбурга, породнившегося с автором записок, — эти отношения, очевидно, соответствовали высоким моральным стандартам. В чем-то старался походить на П. Гордона полковник А. Ливингстон, который, женившись вторично, подобно знаменитому земляку, отмечал поминальным обедом годовщину смерти своей первой жены [10, с. 208]. Вообще следует обратить особое внимание на то, что выделенный круг католиков составлял, по сути, одну большую семью, главой которой выступал П. Гордон. Это была одна семья — как в социальном, так и духовном смысле, поскольку многие члены ядра общины либо кровно породнились с П. Гордоном (Р. Штрасбург и А. Гордон оф Охинтул — зятя генерала, Б. Ронаэр — родственник второй жены), либо стали его духовными родственниками. Так, восприемницами в святом крещении детей генерала, как уже было отмечено, источники называют супруг Ф. Гуаскони и А. Ливингстона; Г. Карбонари приходился крестным отцом Джорджу Хилариусу, сыну П. Гордона, а П. Мензис стал восприемником внука последнего [10, с. 81, 223]. В сентябре 1694 г., за несколько месяцев до своей кончины, П. Мензис письменно поручил П. Гордону воспитывать в католической вере своих сыновей (их мать, вторая жена Мензиса, была протестанткой), и генерал дал обет пестовать их как своих собственных детей [10, с. 296]. Подробности биографии многих членов общины оттеняют выдающуюся роль П. Гордона в духовном развитии прихода. Именно П. Гордон задавал тон во взаимоотношениях католиков друг с другом и окружающими людьми, формировал модели социального поведения. Своим примером он пропагандировал близкие ему традиционные ценности крепкой и набожной семьи, хотя не все руководствовались этими ценностями. Так, генерал Гордон не раз советовал Д. У. Грэмму (между прочим, троюродному брату П. Мензиса) помириться с супругой и взять не себя ее содержание, однако тот не отвечал «ничего удельтворительного» [10, с. 179].

Авторитет П. Гордона среди «домашних» прекрасно иллюстрируется данными об обращении в католичество тех его родственников и друзей, кто изначально исповедовал протестантскую веру. В данном случае речь идет о Б. Ронаэре и Р. Штрасбурге. Б. Ронаэр сначала был прихожанином Голландской реформатской кирки в Москве, с ним Гордон подружился уже после женитьбы на Элизабет Ронаэр. 1 января 1687 г. П. Гордон стал крестным отцом для сына Б. Ронаэра (крещение производилось в реформатской кирке Немецкой улицы) [9, с. 134]. Однако уже в декабре 1689 г.

«полковник Барталамко Ренорер» числился среди виднейших католиков. Р. Штрасбург, в свою очередь, перешел в католичество из реформатской веры — по настоянию и при прямом содействии тестя [10, с. 66; 32, с. 84].

Как видим, не все члены общинного ядра первоначально исповедовали католическую веру: Б. Ронаэр и Р. Штрасбург определенно были воспитаны в реформатских традициях, но, судя по дневнику П. Гордона, находясь в тесном общении с главой российских шотландцев, быстро восполнили недостающие им знания и приобщились к католической религиозной культуре. Католическое воспитание и специальное религиозное образование в коллегиях получили только П. Гордон, Дж. Гордон и П. Мензис; однако, памятуя о роли семейно-родственных отношений в развитии общины, можно предположить, что не только Б. Ронаэр и Р. Штрасбург, но и иные католики духовно развивались благодаря более образованному и сведущему в вероисповедных вопросах товарищам.

Ограниченность источников (отсутствие церковных книг, фиксирующих частоту причастий) крайне затрудняет решение вопроса об участии тех или иных лиц в богослужениях и не позволяет сделать окончательные выводы о степени проявляемого ими интереса к церковным таинствам. Тем не менее дневник П. Гордона дает основание утверждать, что более половины католиков из состава ядра общины регулярно присутствовали на мессах и обращались к патерам за исполнением треб. Без сомнений, сын, а также оба зятя П. Гордона следовали правилам поведения, установленным в семье этого знатного шотландца, и в бытность в Москве не упускали возможность побывать на мессе, исповедаться и воспринять Святое Таинство [2, с. 6—12; 10, с. 362]. Р. Штрасбург проявил особое благочестие перед кончиною: помимо причастия он дважды соборовался [10, с. 93—94, 122]. Репутацией набожных людей пользовались Ф. Гуаскони и Г. Карбонари — некоторые католики перед смертью поручали им религиозное воспитание своих детей. Например, в семье Ф. Гуаскони воспитывалась дочь умершего подполковника Хэмилтона, а «господин Карбонари» должен был вместе с П. Гордоном наставлять в вере сыновей П. Мензиса (последний, в свою очередь, был фанатично предан католичеству) [10, с. 205, 296, 308, 311].

Развернутых данных о богослужебном усердии других католиков у нас нет, однако источники отмечают факт участия в мессах К. Граге [15, с. 68, 73], посещения Д. У. Грэммом прощальной проповеди архиепископа Себастьяна Кнабе, произнесенной 2 марта 1684 г. [9, с. 13], а также факт благочестивой кончины А. Шмалленберга [18, с. 63]. Как оказалось впоследствии, менее всего католической верой дорожил Г. Турнер — в 1693 г. из соображений выгоды он принял греческое вероисповедание [10, с. 205]. Этот факт — единичный применительно к исследуемой группе верующих — по-видимому, отражает довольно распространенную практику отступления католиков от своей религии. Потому что если такой случай имел место среди устроителей и попечителей костела, то наверняка переходы в православие (или

в протестантские «законы») происходили у тех, кто был слабее связан с приходом.

Деятельность католиков по обустройству церкви и управлению приходом отражена в источниках намного лучше, нежели участие верующих в богослужениях. С одной стороны, круг избранных лиц («ядро общины») прямо подразумевает высокую церковно-деловую активность, априори констатируемую в качестве важнейшей черты социально-психологического портрета «латинян». Однако, с другой стороны, степень реального участия в решении церковных дел даже у членов общинного ядра была разной — например, никак не проявил себя в качестве церковного организатора Р. Штрасбург¹. Вряд ли можно предполагать большую активность в решении церковных дел у будущего вероотступника Г. Турнера.

В любом случае, для воссоздания коллективного портрета католиков имеет смысл конкретизировать их церковную работу, выявив главные ее направления и характер. В первую очередь, ведущие католики оказывали материальную помощь приходу (жертвовали средства на церковное строительство и содержание духовенства), а также занимались решением финансовых вопросов. Среди главных действующих лиц здесь — П. Гордон, чья церковно-административная работа хорошо изучена [1, с. 164—165], Ф. Гуаскони, Г. Карбонари и П. Мензис [10, с. 236, 256, 258]. Помимо них, деньги на строительство, реконструкцию и украшение церковных помещений давал А. Ливингстон [10, с. 255, 320]. Позднее главным церковным благотворителем стал Дж. Гордон, в 1706 г. внесший 2 тыс. империялов на постройку каменного храма [18, с. 158, 195].

Поскольку возведение латинской церкви с формально-юридической точки зрения тогда еще было запрещено, большие усилия были направлены на организацию и даже конспирацию строительных работ. Широкую деятельность в этом отношении развернул Ф. Гуаскони, возводивший каменный костел под видом фамильной усыпальницы Гордонов [31, с. 44—45; 32, с. 107—109]. Флорентийский купец выступал вторым после П. Гордона предводителем московских католиков уже с начала 1680-х годов [9, с. 163]. В период пребывания П. Гордона в Киеве одним из главных распорядителей московской католической общины также выступал генерал-майор Д. У. Грэм [32, с. 42].

Еще одним важным направлением церковной деятельности московских католиков стало налаживание контактов и поддержание отношений между общиной и внешними социально-политическими институтами — другими объединениями верующих, органами власти (гражданской и церковной, причем как в России, так и за границей), духовенством орденских провинций. Все это делалось в интересах развития прихода. Так, П. Мензис вместе с П. Гордоном в январе 1686 г. лично вели переговоры с В. В. Голицыным относительно дозволе-

ния священника в Москве, а затем поддерживали переписку с иезуитом Иоганном Шмидтом после его отъезда из России [9, с. 86, 181]. А. Ливингстон выступал посредником между общиной и Посольским приказом — в частности, в 1692 г. полковник от своего имени подал в приказ ведомость об отъезжающих за рубеж католиках [25, л. 4]. Дж. Лима был доверенным лицом доминиканца Вильгельма Фелля, взявшегося выхлопотать у папы разрешение посылать в Россию миссионеров разных орденов и наций, а не только австрийских иезуитов [18, с. 206]. Дж. Гордон в 1706 г. непосредственно обсуждал с папой Римским перспективы развития католичества в России [18, с. 162]. Ф. Гуаскони был признан как наиболее подходящий посредник в банковских делах миссии и общины [18, с. 105, 125]. Д. У. Грэм и П. Бальдус покровительствовали иезуиту Иржи Давиду в его бытность в Москве, защищая монахов «Ордена Иисуса» перед властями и помогая деньгами [24, л. 5]. Обратим внимание на то, в каких выражениях И. Давид благодарит «кристального мастера Петра Балтеса»: «Высокопочтенный и возлюбленный господин! Должность моя духовная обязывает меня до совершенного отшествия моего из России принести тебе достойную благодарность за твою любовь и благодеяние, что исполняю теперь вкратце. Да воздаст вам всем Бог, что вы нас сподобили благодеянием своим! Мы же то будем воспоминать в молитвах наших, вручая Богу тебя, господина, и дом твой...» [24, л. 8]. Бальдус, видимо, был очень влиятельным и обеспеченным членом общины.

В то же время следует заметить, что при всей преданности католиков своей вере, усердии к мессам и активном отношении к церковным делам, отсутствуют какие-либо данные об их попытках посеять «папизм» среди русских. Убежденность историков (Д. В. Цветаева и иных) в прозелитическом настрое католиков-мирян не подтверждается реальными фактами и основана лишь на сведениях о тесных связях деятелей общины с иезуитскими миссионерами. Действительно, московские священники в глазах Римской курии являлись в первую очередь миссионерами, поэтому прихожане костела, поддерживая их, косвенным образом содействовали и развитию католической миссии. Однако ни в тайной переписке иезуитов (неизвестной тогда русским властям), ни в материалах Посольского приказа в связи с высылкой иезуитов из России (русские власти специально выискивали доказательства вредоносной деятельности католиков) нет упоминаний о фактах или даже о попытках соращения православных в римскую веру кем-либо из прихожан костела. Анализ церковной деятельности московских католиков демонстрирует явное преобладание тех ее направлений, которые обеспечивали стабильность приходской жизни, а не миссионерской работы. Пожалуй, только Г. Карбонари мог быть заподозрен в укреплении собственно латинского миссионерства (он прибыл в Россию по поручению императора не только в качестве врача, но и как агент иезуитов с особым заданием, «...дабы то того лутчи тех богомолне к самому костелу прибавливалось» [20, л. 6 об.]). Однако и доктор ни разу не был уличен в прозелитизме, да и не выражал открыто к нему

¹ Дневник Гордона обычно отмечает все серьезные мероприятия не только самого генерала, но и иных лиц в деле обустройства прихода. Сведений о приходской деятельности Р. Штрасбурга в нем нет, хотя зять постоянно находился в фокусе внимания автора дневника.

склонность, как это делали некоторые католики с наступлением XVIII в. (например, М. Змаевич в Петербурге [37, с. 469]).

Обобщение и сравнение социальных характеристик представителей ядра столичной общины позволяет воссоздать образ типичного московского католика конца XVII столетия. Это западноевропейец из хорошей дворянской семьи, профессионал в своем деле, широко образованный, сведущий в самых разных областях социальной жизни. Он, как правило, почтенный отец семейства (что, без сомнения, повышало доверие к нему со стороны русского общества и властей), занимающий довольно высокое социальное положение, «укоренившийся» в России. Такие люди были необходимы стране, вступающей на путь модернизации и стремящейся заимствовать европейские знания и профессиональный опыт. В своем большинстве воцерковленные католики не были случайными искателями приключений: хотя русское подданство они и не принимали, с Россией их крепко связывали долготелая служба и статус семейных людей, что, кстати, делало их еще более ценными для общества с выраженной ксенофобией. При этом типичный московский католик — это преданный своей религии человек, осознающий потребность в богослужении и таинствах и потому уделяющий много внимания делам внутри прихода. Активная конфессиональная позиция и целенаправленная церковная деятельность «латинян» препятствовали их ассимиляции, а также вместе с другими социальными качествами открывали перспективы формирования новых межконфессиональных отношений в России.

Конечно, воссозданный коллективный портрет вобрал в себя черты далеко не всех проживавших в Москве католиков, а только представителей верхушки общины, или правильнее, — ее сердцевины. Однако полученная картина все же представляется вполне адекватной исторической реальности, если учесть, что община не была многочисленной (на считывала всего несколько десятков человек¹) и всегда включала в себя немало маргиналов, способных легко приходить в религиозный коллектив и покидать его, или просто числиться в его составе. Настоящие католики — воцерковленные, убежденные в своей вере — в условиях России XVII столетия неизбежно оказывались в ядре общины. Своими социальными параметрами они хорошо подходили на роль главных проводников и ускорителей российской модернизации. Многие из них обладали большими возможностями для влияния на русское общество — насколько эти возможности оказались реализованными, должно показать отдельное исследование.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-31-01011-ОГН «Патрик Гордон и московская католическая община конца XVII в.»

Литература и источники

1. Андреев, А. Н. Католик Патрик Гордон и русское общество конца XVII столетия / А. Н. Андреев,

¹ В 1685 г. — около 30 человек, в 1698 г. — примерно 60 верующих.

Ю. С. Андреева // *Вопросы истории*. — 2018. — № 5. — С. 162—175.

2. Андреев, А. Н. Патрик Гордон как религиозный тип / А. Н. Андреев // *Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки*. — Т. 18. — 2018. — № 1. — С. 6—13.

3. *Военная энциклопедия : в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого*. — Т. 14. — СПб. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. — 549 с.

4. *Военный энциклопедический лексикон : в 14 т. — Т. 8. — СПб. : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1855. — 739 с.*

5. Гиндилис, Н. Л. *Просопография в науковедении 80-х годов / Н. Л. Гиндилис // Метафизика и идеология в истории естествознания*. — М. : Наука, 1994. — С. 141—152.

6. Гордон, П. *Дневник, 1635—1659 / Патрик Гордон ; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова*. — М. : Наука, 2000. — 278 с.

7. Гордон, П. *Дневник, 1659—1667 / Патрик Гордон ; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова*. — М. : Наука, 2002. — 314 с.

8. Гордон, П. *Дневник, 1677—1678 / Патрик Гордон ; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова*. — М. : Наука, 2005. — 233, [2] с.

9. Гордон, П. *Дневник, 1684—1689 / Патрик Гордон ; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова*. — М. : Наука, 2009. — 339 с.

10. Гордон, П. *Дневник, 1690—1695 / Патрик Гордон ; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова*. — М. : Наука, 2014. — 620 с.

11. *Дело по прошению генерал-поручика Петра Гордона с другими иноземцами католического вероисповедания о молитвенном доме и пастыре // Д. В. Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв.* — М. : Университет. тип., 1886. — С. III—IV.

12. Демкин, А. В. *Западноевропейские купцы в России в XVII в. / А. В. Демкин*. — Вып. 2. — М. : Ин-т рос. ист. РАН, 1994. — 112 с.

13. *Документы, касающиеся прибывших в Россию членов рода Гордонов и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // Дневник генерала Патрика Гордона, введённый им во время его польской и шведской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г.* — Ч. 2. — М. : Унив. тип., 1892. — С. 199—244.

14. Карданова, Н. Б. *Письма флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня и 17 июля 1696 г. и неизвестный русский оригинал / Н. Б. Карданова // Русский язык и культура в зеркале перевода : материалы междунар. науч. конф.* — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. — С. 290—311.

15. Корб, И. Г. *Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гварьента / Иоганн Георг Корб // Рождение империи*. — М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 21—258.

16. Ноздрин, О. Я. *Шотландцы в России конца XV — начала XVIII веков : дис. ... канд. ист. наук.* — Орел, 2001. — 227 с.

17. Ноздрин, О. Я. *Ne oublie. Происхождение и родственные связи генерал-поручика Дэвида Уильяма Грэма, известного как граф Граам, барон Морфийский / О. Я. Ноздрин // Studia internationalia : материалы III междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X—XX вв.» 2—4 июля 2014 г.* — Брянск : Ладомир, 2014. — С. 54—64.

18. *Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии*. — Рязань : Александрия, 2010. — 336 с.

19. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1676 г.). Д. 2.

20. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1685 г.). Д. 7.
 21. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1689 г.). Д. 5.
 22. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1696 г.). Д. 1.
 23. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1684 г.). Д. 1.
 24. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1690 г.). Д. 1.
 25. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1692 г.). Д. 1.
 26. РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 22.
 27. Федосов, Д. Г. Клинок, перо и «бунташное время» / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1659—1667. — М. : Наука, 2002. — С. 234—264.
 28. Федосов, Д. Г. «От степи к морю» / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1690—1695. — М. : Наука, 2014. — С. 435—483.
 29. Федосов, Д. Г. Примечания / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1684—1689. — М. : Наука, 2009. — С. 267—312.
 30. Федосов, Д. Г. Примечания / Д. Г. Федосов // П. Гордон. Дневник, 1690—1695. — М. : Наука, 2014. — С. 484—580.
 31. Цветаев, Д. В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII вв. / Д. В. Цветаев. — М. : Университетская тип., 1886. — [8], 462, LIX с.
 32. Цветаев, Д. В. История сооружения первого костела в Москве / Д. В. Цветаев. — М. : Университет. тип., 1885. — 130 с.
 33. Чарыков, Н. В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637—1694) / Н. В. Чарыков. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1906. — X, 776 с.
 34. Шаркова, И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. / И. С. Шаркова. — Л. : Наука, 1981. — 208 с.
 35. Энциклопедия военных и морских наук : в 8 т. / под ред. Г. А. Леера. — Т. 4. — СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп, 1889. — 659 с.
 36. Gordon, A. The history of Peter the Great, Emperor of Russia / Alexander Gordon of Achintoul. — Aberdeen : F. Douglass and W. Murray, 1755. — Vol. 1. — XX, 312 p.
 37. Theiner, A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. — Rome: Imprimerie du Vatican, 1859. — 556 p.

АНДРЕЕВА Юлия Сергеевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы истории и теории культуры», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: iulyand@yandex.ru

АНДРЕЕВ Александр Николаевич, доктор ист. наук, профессор кафедры «Теология, культура и искусство», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: alxand@yandex.ru

Поступила в редакцию 24 мая 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180301

SOCIAL IMAGE OF MOSCOW CATHOLICS OF THE LATE 17-th CENTURY: AN ATTEMPT OF PROSOPOGRAPHICAL RESEARCH

Yu. S. Andreeva, iulyand@yandex.ru

A. N. Andreev, alxand@yandex.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article attempts to represent the socio-psychological portrait of Moscow Catholics at the end of the 17th century using the method of prosopography (the method of collective biography). The authors examine the biographies of those who were members of the Church Council or the initiative core of the community in 1684, 1689 and 1698. The article discovers their social features such as social origin, nationality, occupation, education, family status, participation in sacraments and religious services, activeness in church affairs, etc. It is concluded that a typical Moscow Catholic was a Western European from a good noble family, a professional in his field, widely educated, and well-versed in various areas of social life. In addition, many Moscow Catholics were devoted to their religion, they were aware of the need for divine services and therefore much paid attention to the things within the parish. With their social qualities, such people were well suited for the role of the main conductors and accelerators of Russian modernization.

Keywords: Roman Catholics, Catholic churches and communities, Moscow in the 17th century, social image, prosopography.

This work was supported by grant № 17-31-01011 from the Russian Foundation for Basic Research.

References

1. Andreev A.N., Andreeva Yu.S. Katolik Patrik Gordon i russkoye obshchestvo kontsa XVII stoletiya [Catholic Patrick Gordon and Russian society in the late 17-th century] *Voprosy istorii [Questions of history]*, 2018, № 5, pp. 162—175.
2. Andreev A.N. Patrik Gordon kak religioznyy tip [Patrick Gordon as a religious type] *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"]*, 2018, vol. 18, № 1, pp. 6—13.
3. Voennoy entsiklopediya [The military encyclopedia]. St.-Petersburg, 1914, Vol. 14, 549 p.
4. Voennoy entsiklopedicheskiy leksikon [Military encyclopedic lexicon]. St.-Petersburg, 1855, Vol. 8, 739 p.
5. Gindilis N.L. Prosopografiya v naukovedenii 80-kh godov [Prosopographia in the sociology of science in the 80-ies] *Metafizika i ideologiya v istorii estestvoznaniya [Metaphysics and ideology in the history of natural science]*. Moscow, 1994, pp. 141—152.
6. Gordon P. Dnevnik, 1635—1659 [Patrick Gordon. Diary, 1635—1659]. Moscow, 2000, 278 p.
7. Gordon P. Dnevnik, 1659—1667 [Patrick Gordon. Diary, 1659—1667]. Moscow, 2002, 314 p.
8. Gordon P. Dnevnik, 1677—1678 [Patrick Gordon. Diary, 1677—1678]. Moscow, 2005, 233, [2] p.
9. Gordon P. Dnevnik, 1684—1689 [Patrick Gordon. Diary, 1684—1689]. Moscow, 2009, 339 p.
10. Gordon P. Dnevnik, 1690—1695 [Patrick Gordon. Diary, 1690—1695]. Moscow, 2014, 620 p.
11. Delo po prosheniyu general-poruchika Petra Gordona s drugimi inozemtsami katolicheskogo veroispovedaniya o molitvennom dome i pastyre [Petition of Lieutenant-General Peter Gordon with other foreigners of the Catholic religion for the permission of prayer-house and pastor] *Tsvetaev D.V. Iz istorii inostrannykh ispovedaniy v Rossii v XVI i XVII vv. [From the history of foreign religions in Russia, 16-th and 17-th centuries]*. Moscow, 1886, pp. III—IV.
12. Demkin A.V. Zapadnoevropeyskiye kuptsy v Rossii v XVII v. [Western European merchants in Russia in the 17-th century]. Moscow, 1994, Vol. 2, 112 p.
13. Dokumenty, kasayushiesya pribyvshikh v Rossiyu chlenov roda Gordonov i khranyashchiesya v Moskovskom Glavnom Arkhive Ministerstva Inostrannykh Del [Documents relating to arrived to Russia members of the Gordon clan (from the collections of Moscow General archive of the Ministry of Foreign Affairs] *Dnevnik generala Patrika Gordona [General Patrick Gordon's Diary]*. Moscow, 1892, Part 2, pp. 199—244.
14. Kardanova N.B. Pis'ma florentiyskogo kuptsa Franchesko Gvaskoni iz Moskvyy ot 25 iyunya i 17 iyulya 1696 g. i neizvestnyi russkiy original [Letters Florentine merchant Francesco Guasconi from Moscow on June 25 and July 17, 1696 and an unknown Russian original] *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda [Russian language and culture in the mirror of translation]*. Moscow, 2015, pp. 290—311.
15. Korb I.G. Dnevnik puteshestviya v Moskovskoe gosudarstvo Ignatiya Khristofora Gvarienta [Travel diary in Moscow state of Ignatius Christopher Guarient] *Rozhdenie imperii [Birth of the Empire]*. Moscow, 1997, pp. 21—258.
16. Nozdrin O.Ya. Shotlandtsy v Rossii kontsa XV — nachala XVIII vekov: Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [The Scots in Russia in the late 15 — early 18-th centuries: The dissertation of the candidate of historical sciences]. Orel, 2001, 227 p.
17. Nozdrin O.Ya. Ne oublie. Proiskhozhdenie i rodstvennyye svyazi general-poruchika Devida Uil'yama Grema, izvestnogo kak graf Graam, baron Morfiyskiy [Ne oublie. The origin and kinship of Lieutenant David William Graham, Baron of Morphy] *Studia internationalia*. Bryansk, 2014, pp. 54—64.
18. Pis'ma i doneseniya iezuitov o Rossii kontsa 17 i nachala 18 vekov. Irzhi David. Sovremennoe sostoyanie Velikoy Rossii, ili Moskovii [Letters and reports of Jesuits about Russia of the end of 17-th and the beginnings of 18-th centuries. Irzhi David. The modern condition of Great Russia or Moscovia]. Ryazan: Alexandria, 2010, 336 p.
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts (further — RSAAA)]. F. 150. Op. 1 (1676 year). File 2.
20. RSAAA. F. 150. Op. 1 (1685 year). F. 7.
21. RSAAA. F. 150. Op. 1 (1689 year). F. 5.
22. RSAAA. F. 150. Op. 1 (1696 year). F. 1.
23. RSAAA. F. 152. Op. 1 (1684 year). F. 1.
24. RSAAA. F. 152. Op. 1 (1690 year). F. 1.
25. RSAAA. F. 152. Op. 1 (1692 year). F. 1.
26. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 1646. Op. 1. File 22.
27. Fedosov D.G. Klinok, pero i "buntashnoe vremya" [A blade, a pen and the "Rebel time"] *Gordon P. Dnevnik, 1659—1667 [Patrick Gordon. Diary, 1659—1667]*. Moscow, 2002, pp. 234—264.
28. Fedosov D.G. "Ot stepi k moryu" ["From the steppe to the sea"] *Gordon P. Dnevnik, 1690—1695 [Patrick Gordon. Diary, 1690—1695]*. Moscow, 2014, pp. 435—483.
29. Fedosov D.G. Primechaniya [References] *Gordon P. Dnevnik, 1684—1689 [Patrick Gordon. Diary, 1684—1689]*. Moscow, 2009, pp. 267—312.
30. Fedosov D.G. Primechaniya [References] *Gordon P. Dnevnik, 1690—1695 [Patrick Gordon. Diary, 1690—1695]*. Moscow, 2014, pp. 484—580.
31. Tsvetaev D.V. Iz istorii inostrannykh ispovedaniy v Rossii v XVI i XVII vv. [From the history of foreign confessions]. Moscow, 1886, [8], 462, LIX p.
32. Tsvetaev D.V. Istoriya sooruzheniya pervogo kostyola v Moskve [The history of the construction of the first Catholic Church in Moscow]. Moscow, 1885, 130 p.
33. Charykov N.V. Posol'stvo v Rim i sluzhba v Moskve Pavla Menezziya (1637—1694) [The Embassy in Rome and the service in Moscow of Paul Menzies (1637—1694)]. St.-Petersburg, 1906, X, 776 p.
34. Sharkova I.S. Rossiya i Italiya: torgovye otnosheniya XV — pervoy chetverti XVIII v. [Russia and Italy: The trade relations in the 15-th — first quarter of the 18-th century]. Leningrad, 1981, 208 p.

35. *Entsiklopediya voennykh i morskikh nauk* / G.A. Leer [Encyclopedia of military and sea sciences]. St.-Petersburg, 1889, Vol. 4, 659 p.

36. Gordon A. *The history of Peter the Great, Emperor of Russia* / Alexander Gordon of Achintoul. Aberdeen: F. Douglass and W. Murray, 1755, Vol. 1, XX, 312 p.

37. Theiner A. *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples*. Rome: Imprimerie du Vatican, 1859, 556 p.

Received May 24, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Андреева, Ю. С. Социальный облик московских католиков конца XVII столетия: опыт просопографического исследования / Ю. С. Андреева, А. Н. Андреев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 6—15. DOI: 10.14529/ssh180301

FOR CITATION

Andreeva Yu. S., Andreev A. N. Social image of Moscow Catholics of the late 17-th century: an attempt of prosopographical research. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 3, pp. 6—15. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180301
